

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ І НАЦІОНАЛЬНА ІДЕНТИЧНІСТЬ У ВИМІРАХ ХУДОЖНЬОГО СЛОВА

УДК 159.98

Мариям Арпентьева

МЕДИАИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена проблематике психологических особенностей современного литературного творчества молодежи в контексте проблем формирования и развития медиаидентичности. Сравниваются различные варианты творчества: истинное творчество, римейк и селфи. Выделяются особенности современной культуры, влияющие на процессы творчества и жизнь современной молодежи в целом: трансформация духовно-нравственных основ жизни, пропаганда симулякров и псевдотворчества, «лоскутная» идентичность и эгоцентризм.

Подана характеристика ценностных, когнитивных и интерактивных аспектов жизнедеятельности и развития современной молодежи, а также их влияние на развитие или блокировку творческих способностей. Представлены рекомендации по развитию творческих способностей молодых людей: особое внимание обращается на необходимость включения молодежи в реальную жизнь, с реальным жизненным опытом. Самоотверженность, как подчас тяжелый и упорный труд, в том числе и труд над самим собой, глубокое уважение к миру и культуре, широта кругозора и постоянное личностное и профессиональное совершенствование — залог успеха «человека искусства».

Ключевые слова: медиаидентичность, творчество, римейк, селфи, литературно-художественное творчество, киберкультура, постмодернизм, медиатизация.

Актуальность исследования. Современная эпоха часто называется магической: это эпоха «минималистской морали, свободной от каких-либо предписаний» постмодернистской неопределенности как множественности истины, алеаторного распространения ценностей. Традиционная модель коммуникации в рамках современной, в том числе «киберкультуры», и связанных с нею типичных для маргинального существования «лоскутных» (“patchwork Frankenstein”) пониманий себя и мира подвергается значительным трансформациям. Если проанализировать современную культуру, в том числе литературно-художественную, то при всем ее богатстве очевидными в современном мире оказываются явления не вполне творческие: XX век и начало XXI века привнесли феномен римейков. Начавшись как процесс «творческого переосмысления» наследия великих и величайших писателей, драматургов и т. д., римейки интенсивно вырождаются в селфи. Особенно заметен этот процесс у молодежи, чья идентичность в полной мере может быть названа медиаидентичностью. Она формируется и развивается в условиях

медиакультуры и продуцирует свойственные ей тексты: вторичность, эгоцентричность, лоскутность, аномичность — и это неполный перечень характеристик.

Цель исследования — анализ особенностей современного литературного творчества молодежи в контексте проблем формирования и развития медиаидентичности.

Методы и результаты исследования. В результате теоретического анализа современных исследований особенностей формирования медиаидентичности молодежи, специфики ее творчества в литературно-художественной и иных сферах можно выделить ряд моментов.

Во-первых, литературное творчество, как и любое творчество в целом, предполагает наличие самого творящего, способного 1) создать новое (обладающего для этого уникальными и развитыми способностями), 2) в процессе создания отказаться подчас от самого себя (творчество требует мужества выхода за пределы известного, трансценденции), 3) отдать это новое миру (творчество есть служение). Такова «психологическая формула» творчества, не изменяющаяся в веках.

Рассматривая римейк как квазитворческий процесс, отметим, что 1) римейк не создает новое, но создает «обновленную версию» пусть и великого, но субъективно старого (иначе не было бы смысла — в его римейках); 2) римейк предполагает процесс «вложения» себя и тиражирования себя на материале, созданном другими; 3) римейк в своей базовой ориентации не есть служение другим, но чаще всего — лишь попытка рассказать этим другим о себе, то есть, по сути, — служение себе.

В селфи, которыми изобилуют как книжные магазины, так и современные театры, кино и т. д., мы наблюдаем множество «экспонатов» вместо произведений. Ситуация, т. о., становится еще более выпуклой: 1) селфи только воспроизводит: «эстетическая» дистанция сменяется «экстатической» — субъект восторгается самим собой, а не миром, считает себя завершенным и законченным, и в этом качестве фиксируется «для мира», не обладая подчас никакими творческими способностями и не претендуя на них; 2) селфи есть прославление самого себя, трансляция собственной сверхценности как попытка утвердить и подтвердить свое «я» в отсутствии реальной жизни; 3) селфи не есть служение миру, оно создается исключительно и только ради себя. Зритель не соавтор, но регистратор, подтверждающий, что «сообщение принято». Эстетическое постижение «другости» перекрыто фиксацией «экспонатов»: литературно-художественное произведение подчас превращается в своеобразный «музей», коллекционирующий под видом множества одного и того же «я»: пережившее историю, описавшее ее и читающее ее.

Во-вторых, в современной культуре процесс «селфифизирования» нарастает: поколения, работавшие «ради искусства», сменяются поколениями, работающими «на себя»; творчества и духовно-нравственных «взлетов», рефлексии и эстетической дистанции становится все меньше, а эгоцентризма и бессмысленности, животной «инстинктивности» и самолюбования — все больше: процветают кич и псевдолитература. Требовательность к себе, как к автору, и работа над материалом сменилась поиском «мест размещения», литературная критика — бытовыми комментариями. При этом возникает еще один интересный феномен: симуляция творчества. Характеризуя специфику взаимоотношений в «пространстве симуляции», Ж. Бодрийяр [1, 282] говорит о них как о симуляции: ни собеседников, ни смысла сообщений уже не существует. Симулякр — это имитация несуществующего. Казалось бы, для литературы симуляция как компонент творческого воображения — необходимость, однако, речь идет о совершенно ином феномене: подмене творчества и искусства.

В-третьих, описывая состояние и развитие культуры современных подростков и юношей,

ученые и практики прямо отмечают, что ведущим для современных молодых людей на сегодняшний день на этапе их субъективного социального восхождения является самовыражение: стремление выделиться из толпы, быть индивидуальным. Для творчества это стремление, с одной стороны, естественно, а с другой — опирается на второе стремление — постижения культурного богатства предшественников. Однако именно второго стремления — нет. Современная «медийная» эпоха и переломный характер ее временных рамок — начало нового века — породила поколение эгоцентристов, или «миллениалов» (millennials), которое характеризуется рядом черт: нарциссизм и аполитичность, конформизм и задержанное развитие, а также повседневная квазикреативность, находящая выражение в фэнтези и «фанфиках», римейках и швединге, в селфи и иных формах творчества как желании «переосмысления» традиционных ценностей. Одна из них отражена в попытках разрешения парадоксов общественного и индивидуального: центрации на «собственном» и ноунейм (noname) как отказе от общепризнанного в пользу того, что молодые люди полагают индивидуальностью. Как дети поколения «беби-бума», «эхо-бумеры» повышено эгоцентричны и склонны к некритичному самолюбованию, потому что общество превознесло ребенка над взрослым, сделав детоцентризм ведущей идеей социальных и государственных отношений, резко снизив значимость опыта предшествующих поколений. Это неминуемо сказалось на детях: их уверенности в значимости своих селфи и римейков. Как «поколение трофеев», они стремятся все время что-то выиграть, выгадать, в том числе в «творчестве» и в отношениях вне него; им свойственна вера в собственную «крутизну» и восприятие старших как «слабых звеньев»: все должно вертеться и до поры до времени вертится вокруг их «я».

В-четвертых, несмотря на внешнюю потребность в творчестве, наблюдается резкое падение показателей относительно творческих способностей и эмпатии, которая необходима, чтобы интересоваться другими людьми, культурой, миром. Самовыражение миллениалов — обычно не более, чем продолжение культурно-исторической тенденции, а не революция: ничего нового они не придумывают, развивая то, чему их научили и продолжают учить СМИ (и государство) и родители (и общество), чья повседневная жизнь кажется порой невыносимой и бесполезной. В общем и целом современные молодые люди часто не «усматривают» действительно положительных и однозначно успешных примеров ни настоящего, ни прошлого и субъективно выстраивают будущее «с нуля», хотя объективно вынуждены будут совмещать обучение на своих

ошибках и признании достижений предыдущих поколений. Жизнь побуждает к повторным просмотрам, но уже — жизненных «историй».

Экзистенциальный вакуум, в котором живет «дигитальная молодежь», размывает границы личности, превращая большинство представителей современной массовой «постмодернистско-магической» культуры, воспитывающихся в условиях дигитализации нравственности и социальной анонимии, в маргиналов — субъектов, не имеющих определенного понимания себя и мира. Он разрушает и самопонимание себя и мира: не случайно возникновение так называемого «дигитального слабоумия» — эти поколения не только обладают усеченным творческим потенциалом, но и проявляют признаки преждевременной дегенерации, старения. Уже в начале нынешнего века специалисты стали отмечать, что все больше подростков и юношей, представителей «цифровых аборигенов», страдают когнитивными нарушениями, а также подавленностью и депрессией: в мозгу пациентов наблюдаются изменения, схожие с теми, что появляются после черепно-мозговой травмы или на ранней стадии слабоумия, которое у поколения «цифровых туристов» и более ранних поколений развивалось только в старческом возрасте [3; 5; 8–9].

Попытка молодого человека выжить и охранить себя как человека, «зацепившись» за эгоцентризм, срывается недолго и имеет ряд ограничений и нежелательных последствий: поколение «цифровых аборигенов», прибегающее к нему как к адаптивной технологии действий в среде симулякров, наталкивается на «остатки» среды реальных, человеческих отношений и культурно-специфических ритуалов, связывающих действия отдельного человека с действиями окружающих. А там, где кибертехнологии подчиняют человеческую жизнь, вступает в права «безжизненность», доведенная до абсурда, контроль, игнорирующий субъектов взаимодействия, репрессии по отношению к осмысляющим и проживающим жизнь иначе, чем предписано «системой». Поэтому, вне осознания процессов и ценностных оснований понимания себя и мира, своей ответственности за «деконструируемые» и вновь создаваемые «смысловые вселенные», человек остается один на один с огромным количеством «смысловых лакун» и ошибок, заполнить которые может помочь только другой человек, чье отношение к знаниям, а также к жизни, людям, себе самому ценностно-определено и человечески, модели общения соответствуют ценностям; понимание себя и другого находится на достаточно высоком уровне, характеризующем сформированной рефлексивной культурой и осознанных метакогнитивных процессов. К сожалению, именно последние пока еще только предстоит сформировать на уровне растущих поколений.

При этом современные подростки и молодежь весьма ценят комфорт и стремятся учиться и работать не в рамках нормированного рабочего дня и нормированной культуры, а в согласии с самими собой, достигая не только внешнего вознаграждения за труд как таковой, но и социального признания, своей роли в обществе [2; 4; 6–7; 10]. Само по себе это стремление позитивно, однако, как видно, в нем слишком много «я» и мало искусства и творчества. «Богемная» жизнь как жизнь человека культуры и искусства при этом обычно исчерпывается жизнью желаний: «звезды» восходят так же быстро, как и падают. И лишь самоотверженность, как подчас тяжелый и упорный труд, глубокое уважение к миру и культуре, широта кругозора и постоянное личностное и профессиональное совершенствование — залог успеха «человека искусства».

Выводы и рекомендации. Таким образом, традиционная модель литературного творчества в рамках современной культуры, в том числе «киберкультуры», и связанных с ней типичных для маргинального существования «лоскутных» (“patchwork Frankenstein”) идентичностей как совокупностей способов пониманий себя и мира подвергается значительным деструкциям и трансформациям. Чтобы противостоять такой деструкции, нужно трансцендентировать, «выходить за пределы», а также понимать и уважать эти пределы. Необходимо иметь мужество изменять себя и мир. Мужество обращаться к духовным смыслам творчества: то, что не обращено к ним в современном мире, творчеством быть не может. Духовно-нравственные ориентиры придают последнему качество вневременности и «внекультурности», а самому человеку дают возможность нормально и полноценно развиваться, иметь стабильную и гибкую, глубокую и разностороннюю идентичность. Нормальное развитие — это такое развитие, которое ведет человека к обретению им не только индивидуальности, но и родовой человеческой сущности. Условиями и одновременно критериями этого развития являются: отношение к миру другого человека как к самоценности, как к живым, существующим, олицетворяющим в себе бесконечные потенции «человеческого» и «жизни», потребность в свободе и возможность самопроектирования, стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни, интеграция «лоскутных Я» дигитального «Франкенштейна». Творчество всегда рождается не «само собой», оно связано с направленным обучением, «пробами и ошибками» самопонимания и понимания мира. Взаимодействие с другими дает человеку возможность непосредственно обнаружить и пережить — встретить свою действительную «самость», человеческую индивидуальность и универсальные, общечеловеческие истины

жизни. Реальная, а не виртуальная жизнь учит человека, куда и как ему двигаться, что принимать, а что давать, у кого и кому, когда и зачем. Совершая дела любви, в том числе в практиках служения, волонтерства и иных формах помощи другим, в практиках совместного творчества, отдавая и принимая заботу от людей (в семье, школе и вне их), умея балансировать вклады в отношения и жизнедеятельность, человек учится понимать самого себя и мир. Несмотря на весь эгоцентризм и маргинализированность,

и этому поколению современных молодых суждено пройти путь от эгоцентризма к пониманию всеобщей взаимосвязи. Для них откроются новые интересные возможности: познать радость «живого» общения, понять себя, мир, другого человека. Переживая кризисы личного и группового развития, кризисы отношений с собой и миром, поколение возвращается туда, откуда начало свой поиск: в событие, в зрелость, придающую осмысленности жизни, и силу — инициативам и инновациям молодых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. — М. : Ad Marginem, 2000. — С. 282.
2. Глассер У. Школы без неудачников / У. Глассер. — М. : Прогресс, 1990. — 120 с.
3. Стрельникова Л. Цифровое слабоумие / Л. Стрельникова // Химия и жизнь — XXI век. — 2014. — № 12. — С. 42—47.
4. Espinoza Ch. Millennial Integration: Challenges Millennials Face in the Workplace and What They Can Do About Them. Yellow Springs. OH: Antioch University and OhioLINK. 2012. — 151 p.
5. Hayles N.K. My Mother was a computer: digital subjects and literary texts. — Chicago: The University of Chicago Press, 2005. — 288p.
6. McCrindle M. The ABC of XYZ: Understanding the Global Generations. — Sydney : UNSW Press, 2009. — P. 202—204.
7. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. MCB University Press. — 2001 October, № 9 (5). P. 1—6.
8. Reynolds G. Ethics in information technology. — Boston : Thomson Course Technology, 2003. — 320 p.
9. Spitzer M. Digitale Demenz: wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen. — München : Droemer, 2012.
10. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. — McGraw-Hill, 2008. — P. 15—16.

Маріям Арпенцьєва

МЕДІА-ІДЕНТИЧНІСТЬ І ПРОБЛЕМИ ТВОРЧОСТІ МОЛОДІ

Стаття присвячена проблематиці психологічних особливостей сучасної літературної творчості молоді в контексті проблем формування і розвитку медіа-ідентичності. Порівнюються різні варіанти творчості: справжня творчість, римейк і селфі. Виокремлюються особливості сучасної культури, що впливають на процеси творчості та життя сучасної молоді в цілому: трансформація духовно-моральних основ життя, пропаганда симулякрів і псевдотворчості, «клаптева» ідентичність та егоцентризм.

Подається характеристика ціннісних, когнітивних та інтерактивних аспектів життєдіяльності й розвитку сучасної молоді, а також їх вплив на розвиток або блокування творчих здібностей. Надаються рекомендації з розвитку творчих здібностей молодих людей: особлива увага звертається на необхідність введення молоді в реальне життя, з реальним життєвим досвідом. Самовідданість, як часом важка і наполеглива праця, в тому числі над самим собою, глибока повага до світу та культури, широта кругозору і постійне особистісне й професійне вдосконалення — запорука успіху «людини мистецтва».

Ключові слова: медіа-ідентичність, творчість, римейк, селфі, літературно-художня творчість, кіберкультура, постмодернізм, медіатизація.

Mariam Arpentieva

MEDIA-IDENTITY AND PROBLEMS OF YOUTH CREATIVITY

The article is devoted to psychological features of modern literary creativity of the youth in the context of the problems of media identity formation and development. It compares different versions of creativity: real creativity, remake and selfie. It defines the features of modern culture which influence the process of creation and the life of modern youth in general: the transformation of spiritual-moral foundations of life, the promotion of simulacra and pseudo-art, patchwork identity and self-centeredness. It is given the characteristic of valuable, cognitive and interactive aspects of modern youth being and development as well as their impact on the creativity development or blocking. It is offered recommendations for the development of young people's creative abilities: special attention is drawn to the need to include young people in real life, with real life experience. Dedication as well as serious and hard work, including self-improvement, deep respect for the world and culture, a wider outlook and continuous personal and professional development — the key success of "man of art".

Key words: media-identity, creativity, remake, selfie, literary and artistic creativity, cyberculture, postmodernism, communication.

УДК 821.161.2.-1.09

Валентина Біляцька

ОСМИСЛЕННЯ ПРОБЛЕМ НАЦІОНАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТІ, ІДЕНТИЧНОСТІ НАРОДУ В РОМАНАХ У ВІРШАХ НІЛА ГІЛЕВИЧА ТА ВАСИЛЯ МАРСЮКА

У статті порушено проблеми, пов'язані зі сферою національної пам'яті, ідентичності народу в сучасних романах у віршах Ніла Гілевича «Родныя дзеці» та Василя Марсюка «Донецька прелюдія». Акцентується увага на поетичному зверненні авторів до реципієнта: усвідомити суспільні проблеми, значущість буття свого народу, долучитися до збереження його звичаєвих традицій, національної гідності.

Ключові слова: національна пам'ять, роман у віршах, спогад, народ, історія.

У художній літературі особливе значення надається феномену пам'яті, здатній репрезентувати прочитання минулого, орієнтованого і на історичну науку, і на пам'ять як провідну форму зв'язку з минулим. Пріоритети у висвітленні цього зв'язку належать письменникам, які вибирають те, що відповідає їхнім внутрішнім потребам і явищам культури минулого й сучасного. Образи, факти й події історико-культурного процесу осмислюються не тільки з позиції їх цінності для людства, а й з позиції ставлення до них окремої людини й соціуму в цілому.

Тема національної ідентичності, історичної та індивідуальної пам'яті як передачі досвіду та відомостей «минулої реальності» осмислюється в романах у віршах відомих сучасних поетів — білоруського Ніла Гілевича «Родныя дзеці» (1985) та українського Василя Марсюка «Донецька прелюдія» (2002). Проте твори, вибрані для аналізу, не відзначаються ґрунтовністю наукового розгляду ні в аспекті індивідуально-авторської

новизни жанру, ні порушенням проблем, пов'язаних зі сферою любові до малої батьківщини й країни, національної пам'яті, ідентичності народу крізь призму авторського бачення, що й визначає мету нашої розвідки.

На думку Н. Симбірцевої, протягом останніх двох десятиріч минуле традиційно розглядається через такі поняття, як пам'ятні місця й меморіали, культура пам'яті, культура історії, історична свідомість. Фактом сучасності стає резонансне сприйняття історії, «сила „голосу” якої визначається не тільки тим *«хто (що) і як ним володіють, але й тим, хто і як їх чує»* [6, 20].

Очевидно, для того щоб реципієнт почув і вчасно дійшов висновків, Н. Гілевич і В. Марсюк порушили в романах у віршах проблеми не далекого історичного минулого українців та білорусів, а звернулися до подій багатогранного буденного, далеко не радісного життя ХХ ст. крізь призму індивідуального, щоб зафіксоване в спогадах буття земляків не втратило генетичної пам'яті.